

В. Родников

СЕЛЬМА ЛАГЕРЛЁФ И НОВЫЕ ПУТИ В ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

I

Двум требованиям должен удовлетворять детский писатель. Прежде всего, он должен быть художником слова, талантом — требование, обязательное для всякого писателя. Только истинные поэты должны быть детскими писателями, справедливо замечает Вольгаст («Проблемы детского чтения»). Вместе с этим детский писатель должен быть педагогом в высшем смысле этого слова: должен знать детей и уметь говорить с ними. Сельма Лагерлёф, один из крупнейших литературных талантов современной Швеции, удовлетворяя безусловно первому требованию, имеет все данные удовлетворить и второму. Она добрую половину своей жизни провела скромною сельскою учительницею, и за это время она так привязалась к детям, так полюбила детей, что, вступив и на литературное поприще, она продолжает работать для них. «Как часто мы видим молчаливых детей, — говорит Сельма Лагерлёф в одном из своих романов, — и не знаем, что они носят в себе тайную мечту, которую не смеют никому открыть. Как много странных фантазий скрывается под шелковистыми волосами, какие удивительные вещи видят кроткие карие глаза с опущенными ресницами» («Геста Берлинг»), Так может писать только человек, действительно любящий детский мир, чуткий к его «тайным мечтам», к его запросам. Да и как не любить детей — «эти маленькие существа, которые каждому протягивают руку, обо всех думают хорошо, не смотря, прекрасно или некрасиво то лицо, которое они целуют, и одинаково любят молодых и старых, бедных и богатых» («Надгробная надпись» — Легенды и сказки). Чистота и наивная бесхитрость ребенка, по представлению писательницы, способны тронуть самое суровое сердце. Вот скупой и жестокий крестьянин в холодную и бурную дождливую ночь впускает к себе в избу двух маленьких оборванных девочек; их мать, бедная вдова, была разо-

Портрет С. Лагерлёф. Стокгольм, 1928 г.,
фотоателье «Jaeger»

рена его таким же, как и он, суровым отцом. Все засыпает. Но отогревшиеся бродяжки-девочки не спят, они что-то шепчут про себя.

— Замолчите ли вы? — крикнул крестьянин. Он был в таком раздраженном настроении, что мог побить детей, но бормотанье не прекращалось, хотя он еще раз сурово приказал детям молчать.

— Когда наша мать, покидая нас, ушла, — отозвался вдруг светлый детский голосок, — я пообещала ей никогда не забывать вечерней молитвы. Это обещание я должна сдержать и Бритта-Мария тоже. Как только кончим, мы будем совсем тихи.

Крестьянин сидел и слушал, как малютки шептали свою вечернюю молитву. Потом он стал ходить большими шагами по комнате, порою как бы в большом душевном смятении сжимая руки.

— Погубил лошадь! Обоих детей превратил в бродячих нищих — все это дело его отца! Видно, не все, что делал отец, было, в конце концов, правильно.

Он бросился на стул и подпер рукою голову. Вдруг по его лицу пробежала судорога; слезы подступили к глазам; он быстро отер их, но подступили новые и покатались по его щекам.

Мать видела из задней каморки, что произошло в большой комнате; ей не надо было поэтому спрашивать.

Она только пошла тихонько к обоим спящим детям, подняла их, отнесла в заднюю комнату и положила их там в свою собственную кровать. Потом она опять вышла к сыну.

— Послушай, Ларс, — сказала она и сделала вид, что совсем не замечает его слез. — Позволь мне оставить здесь детей. Я их всегда

сердечно жалела, после того, как твой отец продал дом их матери. И ты тоже жалел их?..

— Да, но...

— Мне хочется оставить их здесь и сделать из них порядочных людей. Они слишком хорошие дети для того, чтобы нищенствовать.

Крестьянин ничего не мог возразить, из его глаз хлынули светлые слезы; он схватил морщинистую руку матери и погладил ее [«Чудесное путешествие на гусях»].

Сельма Лагерлёф за годы учительства сжилась с детьми и любила их. Но научилась ли она говорить с ними, умеет ли она говорить то и так, чтобы захватило детские интересы? Ответ на это будет несколько ниже.

Как писательница, Сельма Лагерлёф в большинстве своих работ выступает с чисто романтическим настроением. Было время, рассказывает она про себя, когда она увлекалась писателями-реалистами, и ей в голову никогда не приходило, что можно писать иным способом, иным языком, нежели тем, которым писали эти писатели. Сама она тогда больше любила собственно романтиков, но романтизм отжил, а она вовсе не думала воскрешать его форму и манеру изложения. Несмотря на то, что голова ее была переполнена историями о привидениях и о необузданной любви, о прекрасных дамах и кавалерах, жаждущих приключений, она сама все-таки хотела писать спокойной прозой в реалистическом направлении («Сказка о сказке» — предисловие к роману «Геста Берлинг»). Но ее талант скоро вывел ее на правильный путь. Чутьем она угадала свое призвание и сначала, как бы в шутку, написала две вещицы в другом стиле, — «такой прозой, которая почти была ритмична». «И тогда я заметила, — рассказывает писательница, — что в этом стиле могу писать, что тогда у меня является вдохновение — это я чувствовала». Но только позднее различные обстоятельства личной жизни с потерей родного гнезда и тоскою по нем укрепили писательницу в этом направлении. Накануне того дня, как она навсегда покидала родные места, она решила написать книгу, не задаваясь высокими целями, на свой собственный лад, как позволять ей ее небогатые способности. Конечно, это не будет, как она думала, *chef d'oeuvre*. Люди будут смеяться над ее книгой, но она все-таки напишет ее. Она напишет ее для себя самой, чтобы спасти то, что она могла еще спасти от своего дома — дорогие старые воспоминания, счастье и мир беззаботных дней и прекрасный ландшафт с длинным озером и синеющею цепью гор («Сказка о сказке»).

Издание повести С. Лагерлёф «Чудесное путешествие Нильса с дикими гусями» в пересказе З. Задунайской и А. Любарской (Петрозаводск: «Карелия», 1969 г.). Иллюстрации Н. И. Брюханова

Видным элементом романтической настроенности в произведениях Сельмы Лагерлёф является начало религиозное. Это начало, с некоторым оттенком мистики, проникает в ее «Сказки и Легенды», ее «Легенды о Христе», не говоря уже о такой вещи, как «Чудеса Антихриста» — вещи, не предназначенной для детей. Религиозность Сельмы Лагерлёф не догматична, она проникнута духом живых переживаний. О религиозном настроении в ее творчестве можно сказать то же, что писательница говорит о старом полковнике Беренкрейце («Из истории Хальстанеса»), Старый Беренкрейц сидит над работою — ткет ковер. «Работая и следя за правильностью узора, Беренкрейц часто останавливался и задумывался о Боге. Он представлялся ему сидящим за громадным станком и ткущим еще более (чем у полковника) замысловатый узор. И он понимал, что в этом узоре должны быть светлые и темные пятна. И Беренкрейц сидел так и думал, пока ему не начало представляться, что его жизнь и жизнь людей, которых он знал, являются только маленькой частью громадной работы Бога, и вся ткань ясно представлялась его взору со всеми контурами и цветами. И если бы в эту минуту спросить Беренкрейца об его ковре, он признался бы, что изображал на нем свою жизнь и жизнь своих друзей как ничтожный снимок того, что он видел на великом станке Бога».

Важную роль в произведениях Сельмы Лагерлёф играет и фантазия, в них много фантастического элемента. Истории о приви-

дениях, о добрых и злых духах, истории жизни святых, рассказы о прекрасных дамах и кавалерах Экебю переплетаются между собой, украшенные яркими и живыми характеристиками, картинными описаниями. Предметом своих произведений писательница берет все стихийное, великое, прекрасное и рассказывает все это с простой и трогательной безыскусственностью.

Но какие бы образы ни проходили пред нами в сочинениях Сельмы Лагерлёф, фантастические или реальные, — за всеми этими образами скрывается живая человеческая личность — благородная, чуткая, отзывчивая на всякую беду ближнего или же павшая, несчастная, ожесточившаяся, но и в самом падении своем не утратившая своего благородства, тоскующая по своей утраченной чистоте. И как бы низко ни опустился человек, искра добра всегда способна поднять его и сделать сильным. Вот пред нами один из любимых героев писательницы — Геста Берлинг, расстригасвященник. Он на свадебном пиршестве окружен молодежью, которая восторженно приветствует его за его открытую улыбку, за его способность веселой и живой речью скрашивать серый жизненный путь. Никогда еще не видели его таким, каким он был в этот вечер. Это не был отщепенец, бездомный странствующий шут — нет, это был король среди всех этих людей, настоящий король.

Он возмущен тем, что невеста изменила своему прежнему жениху, и вот он устроил заговор с другими молодыми людьми против богатой невесты. Пусть она подумает о том, как дурно она поступила, отдав себя со своим прекрасным лицом и своим богатством старику. Молодежь бойкотирует ее во время танцев, и разгневанная девушка мстит инициатору этого: она публично ударяет Гесту по лицу.

— Ты хотела совершенно безнаказанно изменить своему слову и своим обещаниям, — мягко упрекает ее Геста в ответ на причиненное ему оскорбление. — Если бы человек, более достойный, чем я, захотел наказать тебя по заслугам, то он заставил бы тебя почувствовать, как ты дурно поступила... Ах, дитя, дитя, прости меня! — продолжает он ласково. — Прости бедного Гесту Берлинга! Ведь ты знаешь, что никому нет дела до того, что он говорит или что он делает. Никто не плачет от его гнева, как не плачут от укуса комара. Это было безумие, но я хотел помешать самой красивой и богатой девушке в нашем краю выйти за старика. А я только огорчил тебя.

И в ответ раскаявшаяся девушка рыдает у него на плече. А когда эта девушка полюбила самого Гесту, он отказывается от нее,

потому что она нужна для счастья других: ее первого жениха и его семьи.

— Ты та, — говорит ей Геста, — которая могла бы из меня сделать человека, но я должен отказаться от тебя. Тот, который на небесах играет нашей волей, — мы должны склониться пред его карающей десницей... Все в этом доме надеются на тебя. Скажи, что ты останешься с ними и будешь их поддерживать и помогать им. Милая моя, хватит ли у тебя силы в твоём сердце, чтобы принести себя в жертву и улыбаться при этом?

Она с восторгом откликнулась на голос, призывающий ее к самоотречению.

— Я сделаю, как ты хочешь, принесу себя в жертву и буду улыбаться при этом.

И все это сделал беспутный священник — расстрига Геста Берлинг. «Ах, Геста Берлинг, сильнейший и слабейший из людей!..»

II

Вера в человеческую личность, ее высокое достоинство и высокое назначение вместе с указанными чертами художественного романтизма характеризует творчество Сельмы Лагерлёф, но не на эту сторону в творчестве писательницы я хочу обратить внимание. Отмеченные черты свойственны и другим талантливым представителям и общей, и детской литературы. В творчестве же Сельмы Лагерлёф есть черта, которая выделяет ее из ряда других писателей; черта эта — ее близость к источникам старинного народного творчества. Это есть, в сущности говоря, результат той же самой романтической настроенности писательницы, о которой говорилось раньше. В силу такой своей настроенности она естественно не может удовлетвориться грубою действительностью настоящего, а тяготеет в прошлое, где контуры всех образов мягче, воздушнее, где грубая реальность смягчается туманными далями, опускается сединой древности. И прошлое, как общечеловеческое, так и прошлое родного народа, одинаково привлекает писательницу. Отсюда и материал свой она отыскивает в творчестве прошлого, в нем черпает свое вдохновение.

Общечеловеческие сказания прошлого дают Сельме Лагерлёф материал для ее «Легенд о Христе». Легенды эти при посредстве книгоиздательств Саблина и Сытина успели уже довольно глубоко проникнуть в среду нашей читающей молодежи и встречены этой последней довольно приветливо. Чтение некоторых легенд девочкам младших классов одного женского учебного заведения

глубоко захватывало маленьких слушательниц и вызывало на их глазах даже слезы.

Среди многочисленных поэтических мест в этих легендах особенно интересно рисуется ночь Рождества Христова.

Это было в то время, когда Август был римским императором, а Ирод царствовал во Иерусалиме.

Тогда случилось однажды, что необычайно великая и святая ночь спустилась на землю. То была самая темная ночь, какую кому-либо доводилось видеть, и можно было подумать, что весь земной шар провалился в какой-нибудь огромный подвал. Невозможно было отличить воду от земли и немислимо найти даже самую знакомую дорогу. Да и иначе и не могло быть, потому что с неба не доходило ни единого луча света. Все звезды оставались по своим домам, а ласковая луна отвратила от земли свое лицо.

И так же глубоки, как мрак, были тишина и молчание. Реки остановились в своем течении, ветер не шевелился, и даже осиновые листья перестали дрожать. Если бы подойти к морю, то оказалось бы, что волны не ударяются о берег, а если бы пойти в пустыню, то песок не закрипел бы под ногами. Все окаменело и стало неподвижным, чтобы не нарушать святости ночи. Трава не смела расти, роса не падала, и цветы не решались выдыхать ароматов.

В эту ночь дикие звери не охотились, змеи не жалили, собаки не лаяли. И, что еще чудеснее, ни один неодушевленный предмет не пожелал бы нарушить святости ночи содействием злему делу. Ни одна отмычка не отперла бы замка и ни один нож не был бы в состоянии пролить кровь.

И в эту великую ночь в Риме император Август шел на Капитолийскую гору, чтобы принести богам жертву и испросить их согласия на то, чтобы ему было разрешено построить на священной горе храм в честь его самого — императора. По дороге император весело разговаривал со своими приближенными, и потому ни один из них не заметил бесконечной тишины и молчания ночи. Только очутившись на верхней части Капитолия и дойдя до пустого пространства, предназначенного для нового храма, они увидели, что происходит что-то необычайное. Нет, это не была ночь, подобная другим ночам, ибо наверху, на краю скалы, они увидели диковиннейшее существо. Сначала они подумали, что это старый скрюченный оливковый ствол, потом решили, что древнее каменное изображение из храма Юпитера вышло на охоту. Наконец, они решили, что это, может быть, только старая сивилла. Да, это была она, пишущая пророчества на древесных листьях и знающая, что ветер отнесет веще слово тому, кому оно предназначается. Что же означало ее появление? Сивилла, казалось, не заметила подошедших, она сидела неподвижно, вперив свой взгляд вдаль на восток. Но когда, с появлением чудесной звезды на востоке, вся природа проснулась и оживилась,

и два голубя, предназначенные в жертвоприношение и вырвавшись было из рук императора, теперь спустились из облаков и сели ему на плечо, — спутники императора поняли это как знак благосклонности богов к императору, и своими восторженными кликами нарушили покой сивиллы. Она встала со своего места на краю скалы и подошла к людям. Сивилла была ужасна в своей старости. Одной рукой она взяла императора за плечо, а другой указала ему на далекий восток.

— Смотри! — приказала она ему, и император поднял глаза и стал смотреть. Пространство открылось перед его взорами, и они проникли на далекий восток. И он увидел убогий вертеп под отвесной скалой и в открытую дверь его несколько коленапреклоненных пастухов. Внутри вертепа он увидел молодую мать на коленях пред маленьким ребенком.

И большие костлявые пальцы сивиллы указывали туда, на бедного ребенка.

— Да здравствует император! — сказала сивилла с насмешливым хохотом. — Вот Тот Бог, Которому будут поклоняться на вершине Капитолия!

На сивиллу сошел могучий дух предвидения. Ея тусклые глаза загорелись, руки протянулись к небу, голос изменился и приобрел такую силу, что, казалось, его можно было слышать на весь мир. И она произнесла слова, которые, казалось, прочитала на звездах:

— На вершине Капитолия будут поклоняться Обновителю мира!

Легенда эта называется «Видение императора»; написана она красиво и сильно, но при чтении с детьми не заметно, чтобы она производила на них захватывающее впечатление. Интересная для детей по своему сюжету легенда эта разработана не вполне применительно к маленькому читателю. Зато с большим интересом и глубоким вниманием дети читают сами и слушают легенду о птичке красношейке. Вот краткое содержание этой легенды.

Это было в то время, когда Господь творил не только небо и землю, но также и животных и растения, которым он сейчас же давал имена.

И вот однажды Господь был в раю и красил птиц, и у Него не хватило красок, так что щегленок рисковал остаться бесцветным, если бы Творец не вытер об его перья все кисти. Господь, величественный и кроткий целый день провел в раю, творил и пробуждал к жизни, и к вечеру ему пришлось в голову создать маленькую серую птичку.

— Помни, что тебя зовут красношейка, — сказал Господь птичке, и она улетела. Смотри на свое отражение в воде, она увидела, что вся она серенькая и даже шейка серая, ни одного красного перышка. Тогда она полетела обратно к Господу. Господь восседал, милостивый и кроткий, из Его рук вылетали птички и реяли над Его головой,

голуби ворковали на Его плечах, кругом у Его ног распускались розы, лилии и другие цветы.

— Почему меня зовут красношейкой, когда я вся серая, когда у меня нет ни одного красного перышка? — вопрошает маленькая птичка Господа. Кругом она видела разноцветных красивых птиц, и ей казалось, что довольно маленького красного пятнышка на груди, и она была бы прелестною птичкой и по праву носила бы свое имя.

Господь тихо улыбнулся на ее вопрос и сказал: «Я назвал тебя красношейкой, и ты будешь носить это имя. Но ты сама должна будешь заслужить красные перышки на груди». С этими словами Он поднял руку и снова пустил летать птичку. Птичка задумчиво полетала по раю. Что может сделать такая маленькая птичка, чтобы добыть себе красные перышки?

Прошли долгие века, но красношейкам ничем не удалось заслужить себе красных перышек. И вот снова наступил день, который долгие годы останется памятным в истории человеческой. В этот день маленькая серенькая красношейка сидела на краю своего гнезда в кусте шиповника. Что-то страшное видит она, грозящее ее малюткам.

— Смотрите, — говорит она им, — прижмитесь хорошенько друг к другу и не шевелитесь. Вот идет лошадь прямо на нас! Вот идет воин, сандалии его подбиты железом! На нас несется вся толпа! — Птичка сразу смолкла и притихла. Она почти забыла грозящую им опасность.

Вдруг она бросилась в гнездо и прикрыла крыльями птенчиков. — Нет, это слишком ужасно, — сказала она, — я не хочу, чтобы вы это видели, — это ведут на распятие трех разбойников.

И она боязливо распустила крылья, чтобы птенцы ничего не видели. Они слышали только громовые удары молота, жалобные стоны и дикие крики народа. Красношейка следила взглядом за всем происходившими. Ее широко раскрытые от ужаса глазки не могли оторваться от трех несчастных.

— Как жестоки люди, — думала птичка. — Им мало того, что они пригвоздили ко кресту этих трех бедняков, — нет, они еще надели на голову одного из них терновый венок. Я вижу, как иглы ранят его чело в кровь. А этот человек так прекрасен, и взгляд его так кроток, что его нельзя не любить. Когда я вижу, как он страдает, мне кажется, что в мое сердце вонзается острое стрелы.

Птичка чувствовала все большую и большую жалость к распятому с терновым венком.

— Если бы я была орлом, — думала она, — я вырвала бы гвозди из его рук и сильными когтями разогнала бы его мучителей.

Она видела, как капли крови выступали на лбу распятого, и не могла больше усидеть в гнезде.

— Хотя я мала и слаба, но все-таки я должна сделать что-нибудь для несчастного мученика, — подумала птичка. Она вылетала из гнезда

и полетела высоко в небо, описывая широкие круги над головой распятого.

Она долго летала кругом, не решаясь подлетать близко, потому что она была маленькая, пугливая птичка, никогда не приближавшаяся к человеку. Но мало-помалу она расхрабрилась, подлетела совсем близко и вырвала клювом один из шипов, вонзившийся в чело распятого. В это время на горлышко птички упала капля крови этого несчастного. Она быстро растеклась и окрасила маленькие нежные перышки на шее и груди птички.

Когда птичка прилетала обратно в гнездо, птенчики закричали:

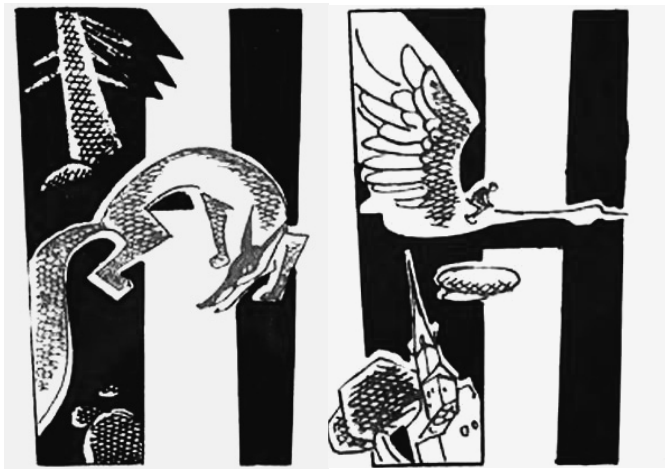
— Перышки на твоей груди красные! Они краснее розы!

— Это просто капля крови с чела этого бедного человека, — отвечала птичка. — Она исчезнет, когда я выкупаюсь в ручье.

Но сколько ни купалась маленькая птичка, красное пятнышко не исчезало, и, когда птенчики подросли, их горлышко и грудь были окрашены в ярко-красный цвет, и так это идет до наших дней.

Особенно сильное впечатление на детей производит момент, когда красношейка вынимает шипы из чела страдальца. «Добрая птичка!» — прерывают они чтение легенды.

Сильно нравятся детям и прелестная легенда «Вифлеемский младенец». Трогательно изображаются здесь детские забавы малютки Христа. Он помогает пчелкам, отягченным цветочною пылью, перенося их в улей; и пчелки не жалили ребенка, а охотно позволяли ему брать себя в руки. Сердобольный крошка спасает затем от ливня нежные белые лилии и этим возмущает сурового римского легионера, наблюдавшего за ним; воин смеется над чувствительностью ребенка. Но пчелки и лилии отблагодарили заботливого малютку — они спасли его, когда Ирод замышлял его погубить. Тронут был, в конце концов, и сам суровый легионер. Посланный в погоню за бежавшими от ярости Ирода родителями малютки, он настиг их вместе с младенцем спящими в пещере. И меч его уже направлялся на ребенка, но тут он припомнил, что и ему этот малютка когда-то оказал благодеяние: он принес ему воды, когда ему, стоявшему на часах, грозил солнечный удар. И при мысли об этом краска выступила у воина на лице. Разве может римский легионер забыть оказанную ему услугу? И он, забыв о щедрой награде, которая предстояла ему за голову ребенка, склонился и положил свой меч рядом с младенцем, чтобы беглецы, проснувшись, узнали, какой опасности они избегли. Уходя, он увидел, что ребенок проснулся. Малютка лежал и глядел на него своими прекрасными глазами, сиявшими, как звезды. И легионер преклонил колени пред ребенком.

Иллюстрации-инициалы Н. И. Брюханова к повести С. Лагерлёф «Чудесное путешествие Нильса с дикими гусями»

«Владыка, ты — Всемогущ, — сказал он, — ты — Победитель, ты — Тот, Которого любят боги, ты — Тот, Который может спокойно наступать на скорпионов и змей». Он поцеловал ножку ребенка и тихо вышел из пещеры; мальчик продолжал лежать и глядеть ему вслед большими, удивленными детскими глазами.

Иным несколько характером проникнуты легенды в книге «Чудесное путешествие мальчика на гусях по Швеции». В легендах здесь оживает, одухотворяется все прошлое родной для писательницы страны. Она сама так любит это прошлое, и когда мысли о нем проносятся у нее в голове, ее «охватывает такая жгучая тоска по старым временам, что на глазах ее выступают слезы», Содержание этой книги незамысловато. Маленький лентяй, непослушный шалун, злой и безжалостный к животным мальчик Нильс Холгерсон, обидевший гнома, сам оказывается превращенным в маленького гнома. И в таком виде Нильс должен путешествовать над родною страной с стаей диких гусей, на спине белого домашнего гусака, примкнувшего к стае. Гуси показывают ему всю его родину. Они несут его над хижинами, городами с фабриками, заводами, церквями, памятниками, прекрасными садами; над портами с верфями, над округами, в которых сосредоточены различные промыслы — то рыбные, то лесопильные, то рудные; над лесами и горами; над морским берегом и скалистыми островами; над краси-

выми реками, озерами. Пред мальчиком расстилаются красоты родной природы. Вот пред ним область Йестрикланд. «Эта земля в еловой юбочке и в гранитном корсаже. А вокруг талии у нее пояс, которому цены нет, так как он вышит голубыми озерами и цветущими лужайками; большие заводы сверкают на нем, словно драгоценные камни, и вместо пряжки у него целый город с дворцами, церквами и массой домов». Но не только в своем настоящем виде предстает страна пред созерцателем, — в целом ряде саг и легенд воскрешается и ее прошлое. Вот легенда о происхождении Стокгольма.

На месте теперешнего Стокгольма когда-то лежали три маленьких, ничем незамечательных острова. Никто не хотел там надолго селиться. Но вот одному рыбаку с острова удалось поймать русалку. Русалки приплыли на остров в тюленьих шкурах, и когда они резвились, побросав шкуры, рыбак спрятал одну шкуру, и одной из русалок нельзя стало возвратиться в морскую глубину. Ему стало жаль плачущей русалки:

«Пойдем со мной, — сказал он, — моя мать позаботится о тебе». И он говорил с ней очень приветливо, пока она не послушалась его и не вошла в лодку. Рыбак и его мать — оба были необыкновенно добры к бедной русалке, и она тоже, казалось, чувствовала себя у них совсем хорошо. С каждым днем она становилась веселее, помогала старухе при работе и была совсем как всякая другая девушка, только гораздо красивее, чем все другие в округе.

И вот однажды рыбак предложил русалке стать его женою, она согласилась, и они в лодке поплыли в глуть Мелара (залив), чтобы обвенчаться в первой встретившейся по дороге церкви.

Любуясь сидевшею рядом с ним счастливою и нарядною невестой, жених невольно усмехнулся своей удаче и, не вытерпев, рассказал ей, как он спрятал принадлежавшую ей шкуру. Они были теперь как раз на том месте, где все это произошло, и невеста просит показать ей шкуру. Рыбак причалил к берегу и вытащил шкуру из-под камня, куда он спрятал ее тогда. Но едва увидела невеста тюленью шкуру, как она вырвала ее и набросила себе через голову. Шкура охватила ее тело, как что-то живое, и русалка моментально бросилась в воду. Жених видел, как она ушлывала. Быстро прыгнул он за ней в воду, но не мог настичнуть ее. Когда он увидел, что больше не может удержать ее, в своем отчаянии он бросил вслед свое копьё. Оно попало лучше, чем хотел того рыбак, потому что бедная русалка громко вскрикнула и исчезла в глубине.

Рыбак остался на берегу и надеялся, что она опять выплывет на поверхность. Но тут он увидел, как по воде разлился нежный блеск, который придал ей поразительную красоту. Никогда не видел рыбак что-нибудь подобное; вода блестела и сверкала, и играла розовым и белым цветом, совсем как перламутр в раковине. И когда сверкающие волны

ударил о берег, рыбак увидел, что и берег преобразился. Повсюду начали распускаться и благоухать цветы; мягкий блеск распространился над землей, и она приобрела красоту, которой раньше не имела.

И рыбак догадался, откуда шло все это. Дело же в следующем: кто видит русалку, находит ее прекраснее всех других смертных. Это не может быть иначе, а когда кровь русалки смешается с водой и потом вместе с волнами разольется по берегам, часть ее красоты передается и им, как наследство, так что все, кто их видел, увлекаются ими и полны тоски по ним.

С этих пор люди стали селиться на островах. Сначала это были только крестьяне и рыбаки, но в один прекрасный день сюда приехал король со своим ярлом. Когда он увидел три острова, он сейчас же решил воспользоваться ими. На самом большом из трех островов ярл выстроил крепость с могучей башней, которую называли Кернан. А вокруг острова он обвел стены. На юге сделал он в стене ворота, а сверху — крепкую башню. Он построил мосты на другие острова и снабдил их высокими башнями. Эти берега и проливы здесь притягивали людей, и скоро со всех сторон потекли сюда люди, которые селились на островах.

Потом наступил день, когда ярл мог уйти на покой после своей большой работы; но в Стокгольме не было недостатка в строителях. Пришли монахи, которых звали «черные братья». Стокгольм понравился им, и они попросили разрешения построить там монастырь. Кроме них, пришло еще много и других людей; прежде всего, большое количество немецких ремесленников и купцов; и так как они были дельнее шведских, то их приняли хорошо. Они основались в городе за стенами, сломали маленькие бедные домики, которые стояли здесь раньше, и выстроили вместо них большие роскошные здания из камня. Стокгольм притягивал людей.

Да, Стокгольм притягивал к себе и людей и сокровища из всей Швеции. Поэтому он принадлежит теперь не одним стокгольмцам: он принадлежит каждому шведу и всей Швеции. Это город не только для себя и ближайшей округи, — нет, это город для всего государства, для всего народа. Здесь никому не надо чувствовать себя чужим или тосковать по родине. Здесь все шведы у себя дома.

А вот легенда о происхождении областей Смоланда и Шонена.

Это случилось в те времена, когда Господь Бог создавал вселенную. Он всецело углубился в это занятие, как вдруг к нему является св. Петр. Остановившись около Господа Бога, он некоторое время молча смотрел на его работу, а потом спросил, очень ли трудно творить мир. «О, да, нелегко!» — ответил Господь. Св. Петр постоял еще некоторое время и, видя, с какою легкостью Господь творит одну страну за другой, возымел желание испытать на этой работе и свои силы. «Не же-

лаешь ли ты немного отдохнуть? — предложил он Господу, — а я бы в это время поработал за тебя». Но Господь Бог не согласился на это. «Я не знаю, насколько ты искусен в этой работе и можно ли тебе поручить докончить начатое мною», ответил он. Тут св. Петру стало обидно, и он ответил, что надеется создать страну не хуже тех, что сотворил Господь.

А Господь в это время как раз трудился над созданием Смоланда. Правда, он еще и вполовину не закончил его, но уже можно было догадаться, что у него выйдет плодородная и красивая страна. Но так как Господь Бог не мог ни в чем отказать св. Петру и к тому же был уверен, что трудно испортить то, что так превосходно начато, то и сказал: «Если желаешь, то попробуем, кто из нас двоих искуснее в этой работе; но так как ты новичок в ней, то для начала кончай то, что я наладил, я же стану творить новое». Св. Петр тотчас же согласился на это предложение, и каждый стал работать сам по себе. Господь Бог отправился несколько к югу и принялся творить Шонен. Немного прошло времени, и эта область была уже окончена. Тогда Господь пошел к св. Петру и спросил, закончил ли он свою работу и не желает ли взглянуть на созданную им, Господом, новую страну. «Я давным-давно завершил уже свою работу», ответил св. Петр, и по голосу его было слышно, до чего он доволен делом рук своих.

Осмотрев Шонен, св. Петр должен был по справедливости сознаться, что край этот прекрасен. Почва в нем была плодородная, удобная для обработки; куда ни кинуть взгляд, везде тянулись обширные долины, кое-где прорезанные небольшими пологими холмами. Казалось, будто Господь Бог нарочно постарался как можно лучше создать эту страну, чтобы людям жилось в ней особенно хорошо. «Да, это прекрасный край; но, по-моему, созданный мною еще лучше». «Так пойдем и посмотрим и твою работу», — предложил Господь.

Когда св. Петр только что принимался за работу, весь север и восток Смоланда были уже закончены, но юг и запад и вся середина были предоставлены на его усмотрение. Но когда теперь очам Господа открылось то, что натворил св. Петр, он до того испугался, что невольно воскликнул: «Да что же ты наделал, св. Петр?» Св. Петр опешил. Он воображал, что самое лучшее для земли, если на ней очень тепло, поэтому он нагромоздил друг на друга невероятное количество гор и камней и устроил таким образом высокое плоскогорье, полагая, что земля, находясь ближе к солнцу, будет от него получать и большее количество солнечных лучей. Затем он посыпал камни тонким слоем земли и счел, что все устроено наилучшим образом.

Но пока он осматривал с Господом Шонен, над Смоландом прошло несколько сильнейших ливней, и уже этого оказалось достаточным, чтобы на деле показать, чье произведете лучше. К прибытию Господа Бога и св. Петра вода уже успела снести со скал весь слой земли и повсеместно обнажить голый камень. На наиболее благополучных

местах камень оказался прикрытым слоем глины и тяжеловесного гра-
вия, но слоем очень тонким, так что и здесь, очевидно, вряд ли что
могло расти, кроме сосен, мха, можжевельника и лишая; зато воды
было везде вдоволь, она заполняла все горные расщелины, и повсюду
виднелись озера, реки и ручьи, не считая болот и прудов, занимавших
громадные пространства. Но плохо было то, что в одних местностях
воды оказывалось слишком много, в других слишком мало, и громад-
ные пространства были заняты сухими степями, по которым при малей-
шем движении воздуха носились целые облака пыли и песку. «О чем
ты думал, чего хотел, творя эту страну?» — спросил Господь Бог. Смущенный св. Петр сказал, что для того Смоланд сделал таким высоким,
чтобы одарить его наибольшим количеством солнечных лучей. «Но
ведь зато ночи здесь будут очень холодными, потому что и холод зави-
сит от близости к небу, — ответил Господь. — Я боюсь, что даже то не-
многое, что может расти на такой почве, будет вымерзать от холода».
Об этом св. Петр, конечно, не подумал. «Да, ты сотворил бедную и мо-
розную страну, — продолжал Бог. — И изменить этого уже нельзя».

Так писательница знакомит маленького читателя с родною стра-
ной, заставляет его живо заинтересоваться ею, воскрешая пред ним
минувшее во всем его очаровании и непосредственности картин,
создавшихся в народной фантазии.

III

Таким образом, в произведениях Сельмы Лагерлёф воскресает
прошлое, воскресает народность в ее облагороженном прошлом,
в ее сокровищах старого творчества, воскресают грезы прошлого,
грезы старого мира. Вот в этом факте и нельзя не видеть нового
пути, на который вступает современная детская литература, начи-
нающая систематическое извлечение сюжетов и материалов для пе-
ресказа детям из глубин творчества прошлого, начинающая си-
стематическое сближение с источниками народного творчества.
И путь этот, путь историзации материала детского чтения, намеча-
ется не только в работах Сельмы Лагерлёф, намечается он и у на-
ших детских писателей. Правда, использование древних народных
легенд и сказаний в целях детского чтения находило себе место
и раньше как в западной литературе, так и у нас. Но до сих пор по-
пытка в этом роде носила случайный характер, в настоящее же
время намечается целое движение в этом направлении, захваты-
вающее, как увидим ниже, также и теории детского чтения. У нас
это направление заметно, например, в работах писателей, груп-
пирующихся вокруг детского журнала «Тропинка». Старинные

народные легенды, поверья, «сказы», присловья — все это довольно широко используется работниками «Тропинки». С особенной талантливостью в этом роде пишут Манасеина («Медведь-грамотей, из старинных сказаний», «Веснянка», «Сон-трава, малороссийское предание» и др.) и П. Соловьева. Старинные народные мотивы находят себе место и в поэзии «Тропинки». Вот стихотворение О. Беляевской «Егорий»:

Выезжает Егорий на белом коне,
Светозарным доспехом блистая,
О заре выезжает навстречу весне,
По долам и угорьям прядая.
Где ступил его конь, — запекут цветы:
Златоцвет с девясилом и дрема,
Развернутся из почек червонных листы,
Закудрявится пышно урема.
Прободает Егорий копьём золотым
Взбороненного поля уклоны,
И зеленая ярь вырастает пред ним
Из земли живоносного лона.

В таком же роде у нее стихотворения «Спиридон-Поворот», «Радуница» и др. Заметно стремление использовать для детской книги мотивы народного творчества и у наших художников: Клодт, Билибин, Васнецов, Поленов и отчасти Каррик.

Если сравнить произведения наших названных выше детских писателей и произведения Сельмы Лагерлёф, то обнаруживается разница. У наших писателей заметно стремление внести в разработку сюжетов, взятых из народного творчества, некоторый элемент стилизации, а Сельма Лагерлёф пользуется этим материалом в духе чистого романтизма. Несмотря на эту разницу, все же сущность, самый путь, или, точнее говоря, источник, там и здесь один и тот же. Но насколько рассматриваемый элемент уместен в детской книге, насколько он может отвечать запросам маленького читателя? Как к новому, намечающемуся в практике, пути отнесется теория детского чтения?

В современной критической литературе по детскому чтению, наряду с требованием от детской книги общелитературной художественности, усиленно проводится та мысль, что детская книга должна удовлетворять запросам детской природы, должна сообразоваться с законами, управляющими детскими литературными вкусами. А определить последние, выяснить читательские вкусы

детей можно двумя путями. Первый путь сводится к изучению непосредственно запросов ребенка методом анкетно-статистическим, привлекая к делу и материал биографический (каким чтением в детстве увлекались и на каком литературном материале развивались в детстве те или другие замечательные люди). Другой путь — общенаучное на психологических данных уяснение существенных особенностей природы ребенка, в зависимости от которых можно было бы узнать и запросы ребенка к книге. Руководясь этою второю точкою зрения, я и хочу подойти к той оценке, какую теорию может дать новому пути в детской литературе и в частности творчеству Сельмы Лагерлёф, поскольку оно соответствует этому пути.

IV

Новая психология развития ребенка устанавливает закон, по которому ребенок в своем духовном развитии проходит те же самые культурные стадии, какие переживало и все человечество (или отдельный народ) в прошлом. Мысль эта раскрывается в таких капитальных трудах, как работы проф. Чемберлена («Дитя. Очерки по эволюции человека»), Друммонда («Введение в изучение ребенка») и проф. Д. Балдина («Духовное развитие детского индивидуума и человеческого рода»). Правда, последняя работа несколько ограничивает этот закон, доказывая, что индивидуум, развиваясь, хотя и проходит регулярно ряд последовательных стадий, однако бывает, что известные стадии в развитии индивида часто соответствуют сразу позднейшим стадиям в ряду животных структур. При всем этом проф. Балдин не находит возможным совершенно отрицать «опыт рода». Вот почему, если не тождество, то, по крайней мере, аналогию, приблизительное сходство между развитием индивидуума и целого рода во всяком случае принять можно.

С особенною ясностью эту аналогию можно проследить на развитии рисунка. В киевском художественно-промышленном и научном музее, в отделе первобытной керамики, есть глиняный черепок, относимый к эпохе неолита. На черепке имеется изображение человеческой фигуры. Достаточно одного взгляда на эту фигуру, чтобы ясно было все ее сходство с рисунками любого маленького ребенка. Это сходство в художественном творчестве первобытного человека и современного ребенка (а равно и современного дикаря)

в новое время раскрыто в целом ряде научных работ — Лихтварна, Кершенштейнера, Амента, Левинштейна и др.

Приведенная точка зрения находит свое основание и в общеизвестной любви детей к сказкам. Сказки — это взгляд первобытного человека на окружающую его действительность, это сказания детства народа. Первобытным эпохам человечества и соответствует детский возраст. Дитя переживает, говорит один современный французский писатель-педагог (F. Mentre), героический период истории, являясь как бы современником эпохи, породившей мифологических героев: ему всюду чудятся великаны, грандиозные события. Вот почему героический элемент прежде всего приходится по душе маленькому читателю: он отвечает природе его. И так, глазами первобытного человека, все оживляя, все одухотворяя, и ребенок в ранний период своего детства смотрит на окружающую природу. Да и не только на природу, а и на все окружающее. Ребенок все одухотворяет: и куклу, и картонную лошадь, и простую палку, и он готов упиваться сказками, именно благодаря этим анимистическим склонностям своей души. В силу сказанного понятно, что ребенку должны быть особенно дороги народные сказки: они создались при тех же настроениях, какие переживает и ребенок. Сказка ведет свое начало от младенческих времен народов, и близка она поэтому младенческим сердцам: сродни она им.

Итак, ребенок в своих переживаниях близок тому, что переживалось человечеством или отдельным народом в прошлом. А если это так, то прошлое из глубин своего творчества и должно прежде всего доставлять материал для удовлетворения читательской жажды ребенка. Этими глубинами пользоваться и из них между прочим черпать свой материал должна и детская литература. Тут можно привлечь к делу народные сказания, легенды, жития, поверия, хождения — произведения, от которых веет духом детства, которые поэтому не могут не привлекать к себе ребенка. При этом здесь можно иметь в виду старое творчество как общечеловеческое, так и особенно творчество родного народа. Вот что немецкий историк Гервинус пишет о том значении, какое для него в детстве имело чтение Гомера. «Весь мой ум и все мое существо было проникнуто гомеровскими мотивами, и чтение его мне доставляло высочайшее наслаждение; помимо того, оно открыло мою душу восприятию чистой формы и непосредственной красоты, вселило в меня любовь к простоте в природе и в жизни, научило чувствовать здоровую свежесть народного творчества».

За последнее время в критической литературе по детскому чтению видное место заняла работа Г. Вольгаста «Проблемы детского чтения». Намеченная выше мысль находит у Вольгаста довольно полное раскрытие и отчетливо формулируется. Старинный эпос, доказывает Вольгаст, более всего годится к обработке для детского чтения. В частности у мальчиков Вольгаст отмечает раннее проявление склонности к истории, и этой склонности, по его мнению, лучше всего может удовлетворять «чтение народных сказаний и саг». Признание старинных литературных сокровищ народного творчества наиболее подходящим чтением для детей, по словам Вольгаста, все более и более завоевывает себе права гражданства. «Они подходят для этого не только по духу и форме, но, являясь летописью жизни, более простой по мыслям, чувствам и условиям, они доступнее для детей, чем современная литература... Уважение к родине в ее поэтических преданиях, сказках, сагах, поговорках, исторических воспоминаниях должно воспитываться в детях и в детской литературе занимать соответствующее место. Большую роль здесь играют и народные детские песенки — эти древнейшие остатки старины».

Итак, сближение с сокровищами народного творчества и художественная их разработка применительно к детскому пониманию — вот один из новых, намеченных в теории путей детской литературы. По этому пути и идет, между прочим, творчество Сельмы Лагерлёф; писательница свои образы, свои сюжеты и свои настроения черпает из далей прошлого, — прошлого для нас, взрослых, для ребенка же являющегося его настоящим. Невозможно достичь развития ребенка, говорит Гердер, без того, чтобы не посвятить его в чистейшие родники истинной народной поэзии. От этих родников Сельма Лагерлёф и хочет напоить своих маленьких читателей.